

ТАМ, ЗА ОКЕАНОМ...

МЫ ОДНОЙ КРОВИ — ТЫ И Я

В ВОСЬМИ редакциях газет состоялись беседы, дискуссии, дружеские встречи. Американцы центра свободы слова, профессия журналиста — в числе наиболее престижных. Ни одна газета в СССР не поднимается правительству и не принадлежит ни одной партии. Есть лишь единственное официальное правительственные издание — «Агентство США». Но по закону оно имеет право обращаться лишь к зарубежному читателю.

Конечно же, нас интересуют взаимоотношения журналистов с владельцами изданий и правительством.

Господин Дауни, главный редактор газеты «Вашингтон пост», работает здесь 26 лет. Он уверяет, что никогда, ни разу за эти годы владельцы газеты не сказали: это надо или это нельзя публиковать. Если бы с просьбой о публикации материалов, выгодных правительству, обратился в редакцию президента, разразился бы невиданный скандал. Правда, министры исполнительной власти иногда просят не предавать гласности ту или иную информацию без дополнительных разъяснений с их стороны. В таких случаях решение о том, как поступить, принимают сами редакторы. Хотя, конечно, как правило, они предпочитают министров все же высушивать.

А вот газета в типичном американском городе Леопольд не совсем типична для США. Она принадлежит трудовому коллективу редакции, сотрудники выкупили ее акции. А управляющий редактор избрал голосованием на общем собрании. На зарплатную плату сотрудникам идет 25—30 процентов от получаемых доходов.

Интересное правило соблюдается в газете «Трибуна Чикаго». Как и другие издания, значительную часть газетной площади она отдает рекламе. Публикуются и кулинарные рецепты. В отличие от других редакций, где есть столевые и бары для сотрудников, «Трибуна Чикаго» обзавелась в дополнительной кухней: до публикации кулинарного рецепта здесь обязательно готовят и пробуют рекламируемое блюдо. Хорошо обычай, не правда ли?

«Трибуна Чикаго» принимает у себя седьмую по счету делегацию советских журналистов. Традиционными стали совместные «круглые столы». Нам предлагают обсудить недавно принятый советский Закон о печати. Журналисты США оценивают его высоко, считают классической моделью, содержащей гарантии свободы для прессы. Они отмечают: многие журналисты мира хотели бы иметь нечто подобное нашему закону.

Мы в свою очередь рассказываем историю появле-

ния Закона о печати и других средствах массовой информации, не скрываем и его недостатков, с которыми уже столкнулись советские журналисты: слабая проработка отношений между газетами и учредителями, претензии

закона. Вряд ли можно ожидать быстрого приятия капитала. В Польше, Чехословакии, Югославии, считаются журналисты, делают как раз то, о чем говорил в свое время Карл Маркс: «Собственность должна принадлежать народу». В этих странах устанавливают стоимость земель и продают акции их работникам. И чем больше вырастет ценность предприятия, тем богаче будет страна.

Американцы вспоминают, как их ученыые пытались анализировать экономику некоторых государств Южной и Центральной Америки: «Многие страны там называют себя капиталистическими». Но это не так, поскольку предпринимателям немало претендентов чинят правительства. По мнению журналистов, от подобных недостатков неизбежна концепция академика Шаталова.

Какая же она, Америка?

ТАК ЧТО же это такое, Современные Штаты Америки? Какие они, американцы? Постарайтесь передать свое, и только свое впечатление.

Трудно ли жить в Америке? — этот вопрос я задавал очень многим. Да, трудно. Кто вообще не хотел жить в этом мире и всегда оставаться человеком. Желания и возможности не совпадают, и там, чтобы жить хорошо, приходится много и напряженно работать. Успех приходит, когда лучшие годы жизни остаются позади. Но если человек уважает законы, если он не боится работы, если поставит перед собой цель и упорно, день за днем будет ее добиваться, он достигнет своей цели — будь то карьера, состояние, благополучие семьи или уважение окружающих.

Америка не знает, что такое очередь. Американцы не понимают, как это возможно — есть спрос, но нет предложения. Они забыли, что такое нищета. Но, кажется, они теряют и свою знаменитую способность к риску, извергнутую предпринимательством. И общество почти не перепутывает куда идти дальше! История идет, если все и так неплохо?

Американцы — веселый, дружелюбный народ, гордый своей великой страной. И главное, чем меня поразила Америка, — не обилие продуктов и товаров, не уют гаражей и удобство быта. Надеюсь, когда-нибудь все это будет и у нас. Покоряют доброжелательность общества, приветливость людей, их глубокое уважение друг к другу, отсутствие зависти, алобы и разочарования. И поневоле захватывает мысль: а мы? Не теряем ли мы эти качества наследства?

Редакторы газеты «Нью-Йорк таймс», внимательно следящие за событиями в Советском Союзе, пытаются оценить программу «500 дней». Они в сомнении: такого грандиозного перевода экономики на рыночные реалии да еще и таким темпами, как планируют в СССР, мир не знает. Но из мнения, для успешной реализации программы необходимы два элемента: грамотное формирование рынка и неизменность деловых контрактов с точки

зрения законов. Вряд ли можно ожидать быстрого приятия капитала. В Польше, Чехословакии, Югославии, считаются журналисты, делают как раз то, о чем говорил в свое время Карл Маркс: «Собственность должна принадлежать народу». В этих странах устанавливают стоимость земель и продают акции их работникам. И чем больше вырастет ценность предприятия, тем богаче будет страна.

Американцы вспоминают, как их ученыые пытались

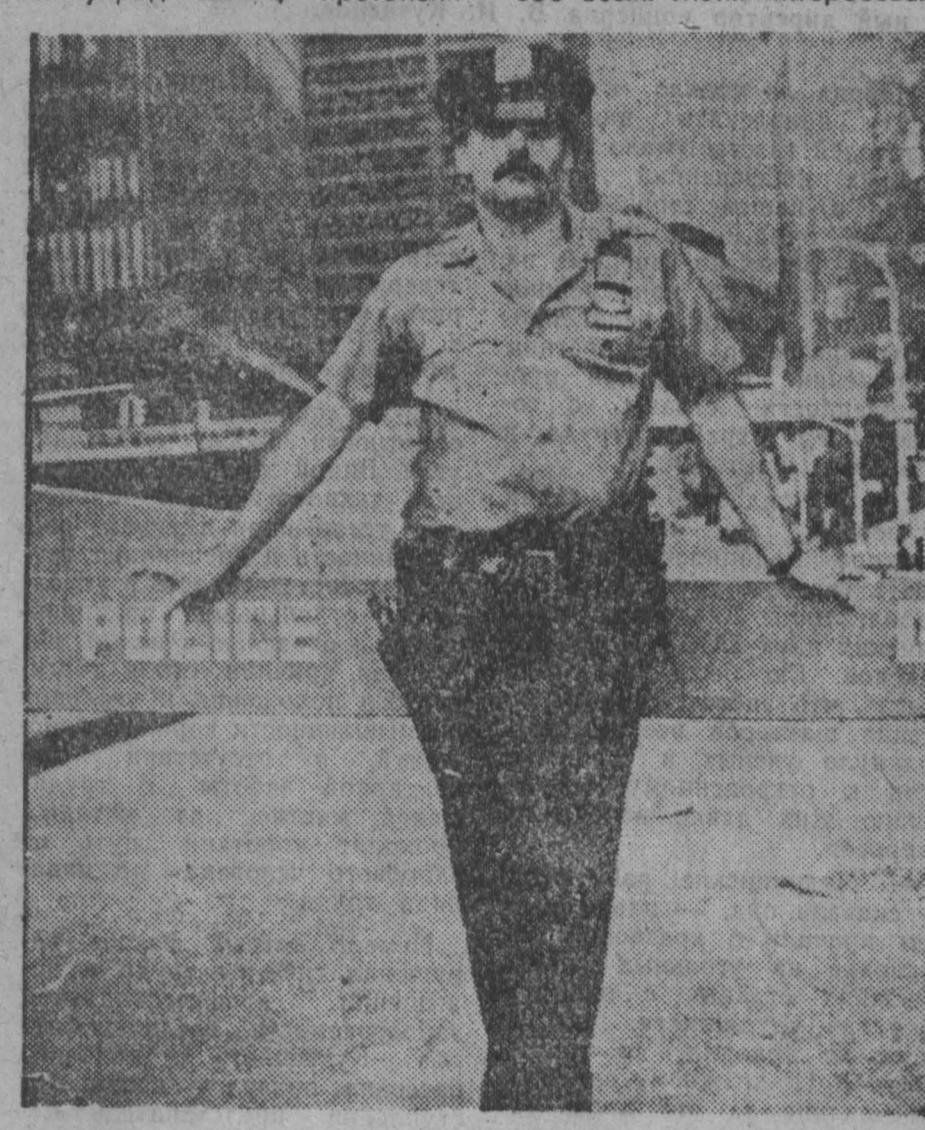

Фото из книги «Америка. Разговор по душам».

последних на диктат, в том числе и со стороны государственной власти — Советов народных депутатов. Говорим и о том, что благодаря неоправданному взвинчиванию цен под удар поставлена экономика газетного дела, особенно это касается местной печати: журналистам городских и районных газет в первую очередь угрожает безработица.

Американские коллеги предупреждают: всегда есть соперник, чтобы правительство побольше внимания уделяло прессе. Но это очень опасно. Они считают недопустимым, чтобы органы государственной власти решали, кому разрешить и кому запретить издание того или иного представителя массовой информации. Они также видят угрозу для свободы слова в существовании законов о безопасности государства, о защите чести достоинства президента: их можно толковать расширительно.

Беседа за «круглым столом» достаточно откровенна. Мы находим много общего в стремлениях, надеждах и прогнозах. Издатель «Трибуны Чикаго» Джон Медиган признается: даже в самых фантастических мечтах он не смел надеяться на подобную встречу с советскими журналистами. Меня обнадеживает стремление советских людей к новому, интерес к знаниям. Нас часто спрашивают: почему в Америке так любят Горбачева? Для нас он олицетворяет перестройку в СССР. Мне он напоминает человека, который пытается катить в гору огромный камень, и его нельзя не уважать.

Меня обнадеживает стремление советских людей к новому, интерес к знаниям. Нас часто спрашивают: почему в Америке так любят Горбачева? Для нас он олицетворяет перестройку в СССР. Мне он напоминает человека, который пытается катить в гору огромный камень, и его нельзя не уважать.

Редакторы газеты «Нью-Йорк таймс», внимательно следящие за событиями в Советском Союзе, пытаются оценить программу «500 дней». Они в сомнении: такого грандиозного перевода экономики на рыночные реалии да еще и таким темпами, как планируют в СССР, мир не знает. Но из мнения, для успешной реализации программы необходимы два элемента: грамотное формирование рынка и неизменность деловых контрактов с точки

зрения законов. Вряд ли можно ожидать быстрого приятия капитала. В Польше, Чехословакии, Югославии, считаются журналисты, делают как раз то, о чем говорил в свое время Карл Маркс: «Собственность должна принадлежать народу». В этих странах устанавливают стоимость земель и продают акции их работникам. И чем больше вырастет ценность предприятия, тем богаче будет страна.

Американцы вспоминают, как их ученыые пытались

последних на диктат, в том числе и со стороны государственной власти — Советов народных депутатов. Говорим и о том, что благодаря неоправданному взвинчиванию цен под удар поставлена экономика газетного дела, особенно это касается местной печати: журналистам городских и районных газет в первую очередь угрожает безработица.

Американские коллеги предупреждают: всегда есть соперник, чтобы правительство побольше внимания уделяло прессе. Но это очень опасно. Они считают недопустимым, чтобы органы государственной власти решали, кому разрешить и кому запретить издание того или иного представителя массовой информации. Они также видят угрозу для свободы слова в существовании законов о безопасности государства, о защите чести достоинства президента: их можно толковать расширительно.

Беседа за «круглым столом» достаточно откровенна. Мы находим много общего в стремлениях, надеждах и прогнозах. Издатель «Трибуны Чикаго» Джон Медиган признается: даже в самых фантастических мечтах он не смел надеяться на подобную встречу с советскими журналистами. Меня обнадеживает стремление советских людей к новому, интерес к знаниям. Нас часто спрашивают: почему в Америке так любят Горбачева? Для нас он олицетворяет перестройку в СССР. Мне он напоминает человека, который пытается катить в гору огромный камень, и его нельзя не уважать.

Меня обнадеживает стремление советских людей к новому, интерес к знаниям. Нас часто спрашивают: почему в Америке так любят Горбачева? Для нас он олицетворяет перестройку в СССР. Мне он напоминает человека, который пытается катить в гору огромный камень, и его нельзя не уважать.

Редакторы газеты «Нью-Йорк таймс», внимательно следящие за событиями в Советском Союзе, пытаются оценить программу «500 дней». Они в сомнении: такого грандиозного перевода экономики на рыночные реалии да еще и таким темпами, как планируют в СССР, мир не знает. Но из мнения, для успешной реализации программы необходимы два элемента: грамотное формирование рынка и неизменность деловых контрактов с точки

зрения законов. Вряд ли можно ожидать быстрого приятия капитала. В Польше, Чехословакии, Югославии, считаются журналисты, делают как раз то, о чем говорил в свое время Карл Маркс: «Собственность должна принадлежать народу». В этих странах устанавливают стоимость земель и продают акции их работникам. И чем больше вырастет ценность предприятия, тем богаче будет страна.

Американцы вспоминают, как их ученыые пытались

последних на диктат, в том числе и со стороны государственной власти — Советов народных депутатов. Говорим и о том, что благодаря неоправданному взвинчиванию цен под удар поставлена экономика газетного дела, особенно это касается местной печати: журналистам городских и районных газет в первую очередь угрожает безработица.

Американские коллеги предупреждают: всегда есть соперник, чтобы правительство побольше внимания уделяло прессе. Но это очень опасно. Они считают недопустимым, чтобы органы государственной власти решали, кому разрешить и кому запретить издание того или иного представителя массовой информации. Они также видят угрозу для свободы слова в существовании законов о безопасности государства, о защите чести достоинства президента: их можно толковать расширительно.

Беседа за «круглым столом» достаточно откровенна. Мы находим много общего в стремлениях, надеждах и прогнозах. Издатель «Трибуны Чикаго» Джон Медиган признается: даже в самых фантастических мечтах он не смел надеяться на подобную встречу с советскими журналистами. Меня обнадеживает стремление советских людей к новому, интерес к знаниям. Нас часто спрашивают: почему в Америке так любят Горбачева? Для нас он олицетворяет перестройку в СССР. Мне он напоминает человека, который пытается катить в гору огромный камень, и его нельзя не уважать.

Меня обнадеживает стремление советских людей к новому, интерес к знаниям. Нас часто спрашивают: почему в Америке так любят Горбачева? Для нас он олицетворяет перестройку в СССР. Мне он напоминает человека, который пытается катить в гору огромный камень, и его нельзя не уважать.

Редакторы газеты «Нью-Йорк таймс», внимательно следящие за событиями в Советском Союзе, пытаются оценить программу «500 дней». Они в сомнении: такого грандиозного перевода экономики на рыночные реалии да еще и таким темпами, как планируют в СССР, мир не знает. Но из мнения, для успешной реализации программы необходимы два элемента: грамотное формирование рынка и неизменность деловых контрактов с точки

зрения законов. Вряд ли можно ожидать быстрого приятия капитала. В Польше, Чехословакии, Югославии, считаются журналисты, делают как раз то, о чем говорил в свое время Карл Маркс: «Собственность должна принадлежать народу». В этих странах устанавливают стоимость земель и продают акции их работникам. И чем больше вырастет ценность предприятия, тем богаче будет страна.

Американцы вспоминают, как их ученыые пытались

последних на диктат, в том числе и со стороны государственной власти — Советов народных депутатов. Говорим и о том, что благодаря неоправданному взвинчиванию цен под удар поставлена экономика газетного дела, особенно это касается местной печати: журналистам городских и районных газет в первую очередь угрожает безработица.

Американские коллеги предупреждают: всегда есть соперник, чтобы правительство побольше внимания уделяло прессе. Но это очень опасно. Они считают недопустимым, чтобы органы государственной власти решали, кому разрешить и кому запретить издание того или иного представителя массовой информации. Они также видят угрозу для свободы слова в существовании законов о безопасности государства, о защите чести достоинства президента: их можно толковать расширительно.

Беседа за «круглым столом» достаточно откровенна. Мы находим много общего в стремлениях, надеждах и прогнозах. Издатель «Трибуны Чикаго» Джон Медиган признается: даже в самых фантастических мечтах он не смел надеяться на подобную встречу с советскими журналистами. Меня обнадеживает стремление советских людей к новому, интерес к знаниям. Нас часто спрашивают: почему в Америке так любят Горбачева? Для нас он олицетворяет перестройку в СССР. Мне он напоминает человека, который пытается катить в гору огромный камень, и его нельзя не уважать.

Меня обнадеживает стремление советских людей к новому, интерес к знаниям. Нас часто спрашивают: почему в Америке так любят Горбачева? Для нас он олицетворяет перестройку в ССР

как это делается

от ГЛАСНОСТИ — к СВОБОДЕ СЛОВА

Неделя прессы
в Японии

членом затем массовый (сначала 60%, позднее всеобщий) охват населения средним образованием (в настоящий момент 12 лет), параллельно решая проблемы рабочей и социальной дисциплины; Япония не сегодня уже достигла такого уровня развития общественного сознания, который определяется формулой «дозволено всем». Вся ее запрещено, — законом». В связи с этим, как никогда, возрастает роль и ответственность средств массовой информации. Пресса и парламент — вот важнейшие демократические механизмы, призванные определять границы допустимого, ту точку грани, которая отделяет неотъемлемое право человека на свободу от чрезвычайных ограничений, отечественных и международных.

Чтобы соответствовать столь высокой миссии, пресса должна сохранять финансово и партийную независимость. Первое достигается за счет помещения хорошо оплачиваемых членов прессы в присланных лозунгах, говорит о пристальном внимании читателей — подписчиков газет к процессам в стремительно меняющемся мире, об их озабоченности будущим.

Интересно проследить изменение направленности лозунгов за 43 года проведения Н

деля национальной прессы. Победителем первой Недели в 1948 г. стал лозунг «Ваша задача — защищать свободу, газеты защищают вас». В 1970-м, когда проходила 23-я Неделя прессы, лозунг-победитель отражал озабоченность японцев обострившимися проблемами экологии: «Лес чистой Земли». С наступлением 80-х японцы расширили (и одновременно углубили) сферу борьбы против загрязнения окружающей среды, обратив пристальное внимание на чистоту информации, требуя от прессы большей содержательности и доброкачественности, от журналистов соответственно более высокого профессионализма и квалификации.

С наступлением 90-х годов японская пресса вновь встала перед задачей ориентировать общества на первоочередные цели, потребности и одновременно на основополагающие ценности. Страна достигла не только высокого уровня материального благосостояния, но и небывалой за всю свою историю степени духовной свободы. Это проявляется в разнообразии потребностей, интересов, ценностных установок, ориентированных в которых нелегко. Глубокий анализ всего происходящего в обществе, своеобразная, полная и прядильная информация о событиях в стране и мире, сведение различных интересов в рамках концептуальных задач, средств массовой информации Японии сегодня не случайно лозунг, предложенный в качестве символа 43-й Недели национальной прессы Ассоциацией редакторов и издателей Японии, гласит: «Точность информации сегодня — гарант светлых перемен завтра».

В. ДУНАЕВ.
(ИАН)

Токио.

РЕКЛАМА

РЕКЛАМА

РЕКЛАМА

таежный промысел

ПОКАЯНИЕ

Сегодня, когда особенно обострились мы осознаем, что годы и десятилетия тотального режима чуть не подорвали был уничтожен подлинный хозяин земли, ее истинный труженик, мысленно изволено возвращаюсь к мнению тех, о ком в наше «мутное время можно сказать восхищением и горечью:

— А ведь были мужики!

Среди них Аверьяна Феоктистовича Пичугина, которого заставили на этом снимке наш ротокорреспондент Юрий Сергеев незадолго до того, как не стало этого человека земля — исконно потомственного таежного промысловика, для кого Мартайга была родным домом и корынником. И сегодня нет в Тисульском районе человека, имеющего отношение к таежному промыслу, который бы добрым словом не помнил Аверьяна Феоктистовича.

— Все мы у него учились ахской науке, — сказал мне Лев Петрович Комков, который долгие годы возглавлял управление охотничьего промыслового хозяйства облисполкома. — Всей Мартайге не было другого такого следопыта и знатока животных зверей, как Пичугин.

Их первая встреча состоялась восемь лет назад, когда студент Московского пушно-мехового института Лев Комков приехал в Тисуль, чтобы положить основу своей дипломной работы — охотоустроительство Мартайги.

— У Аверьяна Феоктистовича изжил почти всю практику, — вспоминает Лев Петрович.

И никто-то не бывал у него в Пичугине, как чаще всего любовно говорили об Аверьяне Феоктистовиче, зная его гостеприимный, открытый характер, добром сердце. Вот и другие наши охотоведы, живущие посвященные таежному промыслу, тоже брали первые уроки у него. И среди них управляющий Урюпинским отделением Тисульского госпромхоза Владислав Игоревич Старцев, главный охотовед Виктор Константинович Чальцов, бывший главный охотовед областного управления охотничьего промыслового хозяйства, а затем Кемеровского госпромхоза Владимир Захарович Бахрушин. Всем им уже не так далеко и до пенсии, а когда они впервые попали в Мартайгу, Аверьяна Феоктистовича уже был в немальных годах. И прожил он эти земли чуть побольше 90 лет, и ся добро, щедро делился своим богатейшим опытом.

В далекие годы, когда начинали свой путь на земле Кузнецкой Бахрушин, Чальцов, Старцев, впервые в Солдатынове, довелось встретиться с Аверьяном Феоктистовичем и автору этих строк. И только сегодня, спустя годы и годы, склоняя себя почему не запишил каждое слово деда, почему не вывел все до точности! И еще обидней становится от сознания, что был Аверьян Феоктистович удивительно открытым человеком, хотя вроде и держался керзажной веры! Помнится, однажды

дня мы как-то вскользь заговорили о том, что Мартайга — кладезь золотых россыпей. Ее слава почала от золота и пошла, а уж потом от пушнины, меда, кедрового ореха, редчайших лекарственных растений и обильной ягоды... словом, всего того, на чем зиждется Мартайга.

— Каждый год приходили к нам купцы из Китая и Монголии за пантиками, — говорил мне Аверьяна Феоктистович. А теперь представьте на миг, где Китай и Монголия, а где Солдатино, куда торопили свои троны по тайге и горам купцы, чтобы закупить у Пи-

чугина Комков. — Хотели в районе Натальевки построить маральники на 500 голов, да оказалось, что в то времена ферма принесла бы один убыток.

Не спешите бросать камень внева, будем помнить, что не один Комков, но и все мы

звернули таежным речкам бобров, привезли ондатру и норку, которых никогда не было в нашей тайге. Ученые и народники Аверьяна Феоктистовича Пичугина, они были и продолжателями его дела. Вот и огромную территорию Мартайги в районе горы Церковной, где зарождается быстрая Кия, отдели под заповедник «Кузнецкий Алатау».

— Знаем точно: не сделали мы этого, через год другой пришли туда лесозаготовители, золото-ромышленники и конец тайге, погибель Кии, — говорил мне директор Тисульского госпромхоза Валентин Романович Античенко.

Легко ли было сделает охотников этот шаг, если на протяжении многих лет они добывали здесь до тысяч соловей, заготавливали золотой и маральний корень, который ценится наравне с пантами, кедровый орех, мед, ягоды... В общей сложности объединение «Кузбасспромхоз» потеряло от отказа от этой промысловой базы ровно восемь миллионов рублей.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

Но охотников никто услышать не захотел. Ушли из тайги истинные ее хозяева, и сегодня здесь царят величественная разводь. Там, где годы и годы промышляли промысловики, неизменно память о том, что ему этот участок выделен на всю жизнь, теперь свирепствуют браконьеры.

На охотников никто услышать не захотел. Ушли из тайги истинные ее хозяева, и сегодня здесь царят величественная разводь. Там, где годы и годы промышляли промысловики, неизменно память о том, что ему этот участок выделен на всю жизнь, теперь свирепствуют браконьеры.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили здесь соловья, привезли новых словес много лет назад из Баргузинского заповедника.

— А добывали бы и сегодня без ежегодного урона и ущерба для природы, — говорит Павлов. — Ведь это мы и сохранили